

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Рабочая группа ИС РАН

Российская идентичность
в социологическом измерении.
Аналитический доклад. Часть 1.

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/IS_RAN_2008_1.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аналитический доклад

Рабочая группа Института социологии РАН

ЧАСТЬ 1. (ПРЕДИСЛОВИЕ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.)¹

ПРЕДИСЛОВИЕ²

Первую попытку всмотреться через "социологическое зеркало" в особенности российской идентичности под воздействием трансформационных процессов, ученые ИКСИ РАН (с 2005 г. — Институт социологии РАН) предприняли в июне—июле 1998 г., фактически накануне разразившегося острейшего финансово-экономического кризиса. Именно в тот, еще относительно спокойный период в жизни страны, в сотрудничестве с Фондом им. Ф.Эберта и немецкой социологической службой "Синус" (Мюнхен) было осуществлено общероссийское социологическое исследование под названием "Граждане России: Кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?".

Цель исследования состояла в выявлении определенных типов восприятия исторических, социальных, экономических и политических фактов, явлений и процессов представителями различных поколений россиян — возрастными группами от 16 до 65 лет включительно, оказывающими основное влияние на текущее развитие страны или теми, которые будут оказывать таковое в ближайшем будущем.

67

Всего в ходе проведенного исследования было опрошено 3000 респондентов. Опрос проводился по тщательно составленной квотной выборке. Причем выборка строилась по двум моделям. Первая давала возможность осуществить сопоставительный анализ данных по различным поколенческим группам (когортный анализ). Вторая модель являлась территориальной, многоступенчатой, с квотным отбором респондентов на последнем этапе. Это обеспечивало общую репрезентативность результатов для демографической группы населения России в возрасте 16—65 лет.

Какими же оказались основные результаты исследования 1998 г.? Были получены веские доказательства того, что после первой семилетки радикальных реформ структура российского социума продолжала обеспечивать достаточно надежную трансляцию базовых жизненных ценностей, мотиваций и способов восприятия действительности. Несмотря на революционно-взрывной характер происходившей смены социально-экономического строя,

1 Редакция "Полиса" публикует журнальный вариант доклада, выбрав разделы, наиболее интересные для специалистов в области политологии и политической социологии. В начале каждого раздела в подстраничных примечаниях будут указываться его авторы.

2 ГОРШКОВ Михаил Константинович, член-корреспондент РАН, Директор Института социологии РАН.

социокультурные стереотипы, определяющие общий склад сознания, изменялись достаточно плавно, эволюционно. Некоторое отклонение от этой тенденции касалось в основном "индекса агрессивности" молодежи, готовности довольно существенной части ее представителей "драться за свое место под солнцем", не особенно стесняясь в выборе средств самоутверждения.

Среди доминант массового сознания выделялись смысложизненные установки, имеющие глубокие социокультурные корни. В своей совокупности они характеризовали тип "среднего" россиянина (русского) как человека, готового к самым неожиданным поворотам судьбы, обладающего хорошими адаптационными способностями и склонного к автономности, видящего свое призвание не столько в приумножении благ, сколько в стремлении жить как хочется, получая от этого моральное удовлетворение. В то же время обращал на себя внимание преимущественно "неэкономический" характер положительных качеств русских. Объективно тормозя вхождение России в рынок, они, вместе с тем, способствовали ее менее болезненному вхождению в постиндустриальную цивилизацию. При этом, устоять и выжить в условиях радикальных изменений и сопутствующего им глубочайшего кризиса *русскому человеку помогали в основном смелость, изобретательность, приспособляемость и терпеливость.*

Результаты проведенного исследования дали основание отнести к числу бесспорных доминант массового сознания россиян их представления *о роли и функциях государства.* Речь идет о понимании государства не только как политико-правового, но и как социального института и непосредственного участника экономических отношений. Из полученных данных следовало, что массовые представления о степени, в которой государство должно участвовать в экономической деятельности, различаются по отраслевой принадлежности опрошенных. Причем применительно к наиболее важным (транспорт, энергетика) число сторонников прямого государственного управления "зашкаливало" за 80%.

Материалы исследования позволили убедиться в том, насколько трудно, противоречиво идет процесс освоения массовым сознанием россиян реалий новой действительности. Зачастую образ желаемого расплывался и никак не мог принять четких очертаний, которые могли бы быть выражены в форме определенной идеологии. Особенно хорошо это было видно на примере отношения россиян к "демократии" как понятию и институту, с одной стороны, а с другой — в явно определившейся тяге к "сильной руке".

Вопреки устоявшимся представлениям (причем, даже в среде экспертов), оказалось, что *большинство россиян отдает предпочтение обществу равных возможностей над обществом равных доходов,* около половины населения ставили равенство возможностей выше индивидуальной свободы, которая таким равенством не подкреплена, и около трети выдвигали модель общества равных возможностей как цель развития страны. Тем самым россияне, несмотря на все "ошибки" приватизации, вовсе не хотели "поделить все поровну". Но вот на чем они действительно настаивали и за чем очень скрупулезно следили, так это обеспечение равенства возможностей.

В выводах исследования 1998 г. было сказано буквально следующее: *в свете складывающейся в стране ситуации, логично будет предположить, что*

на посту Президента РФ россияне захотят видеть национального лидера, способного обеспечить смыслополагающую функцию государства на базе разделяемых большинством населения фундаментальных ценностей.

Как видно, социологические предположения не разошлись с последующей реальной действительностью [см. Россия на рубеже веков 2000: 163-252].

Однако, прогнозы прогнозами, но мы посчитали необходимым в 2004 г. провести повторное исследование по данной проблематике. Тем более, что с момента первого опроса общество пережило дефолт, прошло через две парламентские и две президентские кампании, вошло в полосу относительно устойчивого экономического и политического развития, подверглось масштабным атакам международного терроризма. Как это все повлияло на ценностный мир россиян, их мировоззренческие установки, мотивацию поведения и жизненного выбора? Что из выявленных в 1998 г. тенденций развития массового сознания подтвердило свою жизнеспособность, а что нет? Может ли пореформенное состояние российского общества оказаться надежной опорой модернизационного прорыва страны, или при сохраняющемся ментальное™ россиян этот прорыв практически невозможен?

Попытаться ответить на эти вопросы оказалось возможным после проведения в июне-июле 2004 г. научной группой ИКСИ РАН (с 2005 г.— Институт социологии РАН) в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф.Эберта в РФ повторного исследования *"Граждане новой России: Кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998/2004 гг.)"*. Всего было опрошено 2500 респондентов. В основу методики исследования 2004 г. был положен методический инструментальный первый опрос, кото-

69

рый был дополнен новыми инструментальными разработками Института. Как показали крупномасштабные социологические замеры состояния российского общества, проведенные в 1998 и 2004 гг., а также данные трех десятков общероссийских мониторинговых и тематических опросов, осуществленных нашим Институтом с 1993 г., есть веские основания считать, что *степень глубины и темпы изменения российского национального самосознания под воздействием трансформационных процессов не столь велики, как об этом принято зачастую говорить и писать.*

Обращаясь к анализу исторического самосознания россиян, мы вынуждены были признать: советская парадигма, едва пошатнувшись под натиском "разоблачений" и "отмывания белых пятен" истории в первой половине 90-х годов, продолжала демонстрировать свою удивительную устойчивость. Так, подавляющее большинство наших сограждан, причем независимо от возраста, пола, образовательно-профессиональных характеристик и места жительства, как и ранее, относили к основным предметам общенациональной гордости события и достижения советской истории. При этом сравнительно с 1998 г. отмечалось явно эмоциональное охлаждение оценочной реакции россиян на события и процессы дореволюционной истории России.

Вместе с тем, наряду с ярко выраженным консенсусным характером социально-исторического мировосприятия наблюдалась (что вполне естественно) поколенческая и региональная специфика в отношении к различным этапам и явлениям российской истории. Так, Октябрьская революция 1917 г. активнее выделялась в числе значимых событий представителями старшего

поколения, а продвижение России по пути рыночной экономики — представителями молодежных групп. Именно заметная часть молодежи до 35 лет полагала, что в нынешней России происходит быстрый экономический подъем, ведущий к инновационному прорыву, успехам в сфере образования и науки.

Или, скажем, традиционалистская Россия, представленная, прежде всего, малой провинцией (средние и малые города, сельская местность), была обращена, в первую очередь, к достижениям советской эпохи, в то время как регионы-рыночники (мегаполисы, крупные областные центры) проявляли более выраженную поддержку таким переменам в жизни нашего общества, которые были связаны с ликвидацией "железного занавеса", демократизацией политической жизни, осуществлением рыночных преобразований.

Однако, особенно важно подчеркнуть: возрастные и межрегиональные расхождения в историческом мировосприятии, как и в 1990-е годы, не означали ценностного раскола российского общества. Причем, по той же, что и ранее, главной причине: роль своего рода межпоколенческого буфера выполняли средние возрастные группы (как в мегаполисах, так и в провинции), которые своим взвешенным, сбалансированным отношением к событиям отечественной истории уравнивали крайние позиции и оценки. Вот почему в целом можно было утверждать, что, *несмотря на некоторые расхождения во мнениях "отцов" и "детей" по отношению к историческому прошлому и современному этапу развития России, между различными поколениями россиян на данный период времени практически не существует коренных разногласий и "разрывов" по поводу восприятия действительности.*

70 И все же обнаруживалось одно "но". Оно было связано с историческим выбором общества, в котором россиянам хотелось бы жить в данный период времени. Исследование 2004 г. продемонстрировало, с одной стороны, явное предпочтение молодежи и большинства средних возрастных групп оставаться в нынешней России, со всеми ее проблемами и противоречиями, а с другой — очевидную ностальгию старших возрастных групп россиян по жизни в СССР, их желание оказаться в обществе "брежневского образца". Таким образом, историческое самосознание народа, как довольно цельная и жесткая мировоззренческая конструкция, продолжала оказывать влияние на процесс поиска современным россиянином "собственного места в благодатной эпохе".

То, что средние возрастные группы оказывали определяющее влияние на ценностно-исторический выбор желаемого типа общества, не случайно. Как показало исследование, наибольшая степень доходного благополучия была характерна именно для представителей средних, т.е. наиболее экономически активных возрастов. Они же в большей степени выражали удовлетворенность, как различными аспектами своей жизни, так и тем, как складывается их жизнь в целом. Вообще, как это ни парадоксально, цифры свидетельствовали о том, что Россия продвигается именно по рыночному пути, к обществу, где уровень материального благосостояния приходит в прямую зависимость от экономической активности и статуса занятости, а также от образования, квалификации, профессиональной принадлежности. Именно в этом состояло коренное отличие ситуации в стране 2004 г. от России до августовского кризиса 1998 г., когда основным фактором, дифференцирующим доходы людей, выступала форма собственности предприятия, на котором они работали.

Исследование 2004 г. принесло много и других интересных результатов и выводов, но на них целесообразнее будет остановиться в основном тексте гостящего доклада и в общих выводах к нему.

Хотелось бы отметить, что и после 2004 г. жизнь продолжала брать "свое": общество явно определилось в поддержке национального лидера и его курса, направленного на социально-экономическое и духовно-нравственное возрождение России, на подъем ее пошатнувшегося авторитета в мире, что укрепляло материальные позиции населения и обеспечивало положительную динамику социального самочувствия. Страна приближалась к новым федеральным избирательным кампаниям — выборам нового состава Государственной Думы в декабре 2007 г. и выборам Президента РФ в марте 2008 г. В этих условиях был очень велик творческий соблазн осуществить третье исследование состояния и развития общенациональной идентичности россиян, попытаться понять, что из себя представляет сегодня - спустя пятнадцатилетие реформ - этот глубочайший жизненный пласт наших сограждан.

Идея третьего социологического замера по данной проблематике получила полную поддержку Фонда им. Ф.Эберта, и данный замер, в ходе которого было опрошено 2000 респондентов, был осуществлен в сентябре 2007 г. Его методическую основу составили исследовательские инструментарии 1998 и 2004 гг., но вместе с тем, некоторые "поля социологического замера идентичностей" были расширены. Это касается особенностей материально-экономической самоидентификации россиян, самооценки ими своего социального статуса, рассмотрения структуры жизненных устремлений наших сограждан. Это относится и к более целенаправленному выявлению места демократических ценностей в национальном самосознании, анализу внешнеполитических и социокультурных аспектов европейской идентичности россиян.

11

При формировании модели выборки, как в 1998 г. и 2004 г., использовались две ступени. Первая ступень — экспертный отбор двух типичных субъектов РФ в тех же 12-ти регионах Российской Федерации, как и в прежних исследованиях, т.е. всего 24 субъекта.

Вторая ступень, как и ранее, предполагала отбор, наряду с мегаполисами и административными центрами, районных городов, рабочих поселков и сел (деревень) — всего 71 поселение.

Определение числа подлежащих отбору респондентов на первой ступени происходило пропорционально доле населения в возрасте 16—65 лет соответственно в каждом территориально-экономическом районе, с учетом общего объема выборочной совокупности. Пропорционально распределялось и число подлежащих опросу респондентов в мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург), областных, районных городах и селах. На последней ступени отбор респондентов происходил с учетом требований двух моделей выборки.

В целях поколенческого (когортного) анализа весь массив выборочной совокупности - 2000 человек — был разбит на 5 равных групп - по 400 человек (в 1998 г. - по 600, в 2004 г. - по 500 человек в каждой). Градации групп, как и в предыдущих исследованиях, выглядели следующим образом: 1) 16-25 лет, 2) 26-35 лет, 3) 36-45 лет, 4) 46-55 лет, 5) 56-65 лет.

Для соблюдения квот по когортам, а также группировки респондентов по более детальным квотам, в анкете фиксировался год рождения респондента, что гарантировало достаточно высокую степень репрезентативности выборки по возрасту для населения 16—65 лет.

В целях реализации второй модели выборки, репрезентативной для населения в целом, на основании данных Росстата проводился квотный отбор респондентов. Квоты соблюдались по полу, возрасту, социально-профессиональному признаку: рабочие и инженеры предприятий, строек и шахт; гуманитарная и творческая интеллигенция; работники торговли и бытовых услуг; служащие; предприниматели малого и среднего бизнеса; жители сел; военнослужащие и сотрудники МВД; пенсионеры города; студенты вузов; безработные; учащиеся средних школ и профтехучилищ. Соотношение граждан русской и нерусской национальности среди респондентов соответствовало их соотношению в составе населения РФ.

Для сбора первичной социологической информации во всех трех исследованиях применялся метод индивидуального стандартизированного интервью.

Настоящее исследование и аналитический доклад выполнены рабочей группой ИС РАН в составе: руководитель группы, член-корр. РАН **М.К. Горшков** (программа и инструментарий исследования, предисловие, заключение, общая редакция), **А.Л. Андреев** (инструментарий, разделы 9—10), **В.А. Аникин** (раздел 5), **Л.Г. Вызов** (раздел 6), **Р.Э. Бараш** (раздел 6), **В.В. Петухов** (инструментарий, разделы 7—8), **Н.Е. Тихонова** (инструментарий, разделы 1—5).

Научный консультант исследования - глава Представительства Фонда им. Ф.Эберта в РФ доктор Р.Крумм.

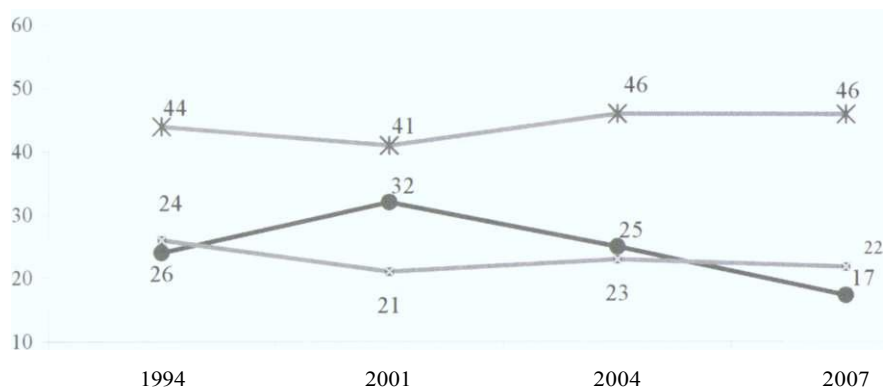
ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Одной из фундаментальных основ любой демократической системы является участие граждан в общественной и политической жизни страны, которое должно "захватывать" все компоненты политической системы и задавать через запросы различных групп и слоев населения приоритеты общественного развития. Но, это в теории. В действительности, все выглядит несколько иначе, в том числе и в России. За последнее десятилетие в нашей стране выросло целое поколение людей, которые уже ничего не ждут ни от власти, ни от общественных институтов, и действуют в автономном режиме. Их жизненная энергия направляется в сферы и области, как правило, далекие от политики. Так, настоящее исследование показало, что с 2001 г. постоянно снижается доля россиян, активно интересующихся политикой (с 32% до 17% в 2007 г.) (см. рис.1).

Большинство (эта тенденция практически не меняется) политикой интересуются от случая к случаю, в основном тогда, когда в жизни страны случаются какие-то важные события.

Раздел подготовлен **ПЕТУХОВЫМ Владимиром Васильевичем**, кандидатом философских наук, зав. отделом массового сознания россиян ИС РАН.

Интересуются ли россияне политикой?
(данные в %, допускался один вариант ответа)

- Внимательно следят за политическими событиями и лидерами
- Следят за политическими событиями и лидерами от случая к случаю
- Политикой не интересуются

Как уже неоднократно отмечалось, главным дифференцирующим фактором в данном вопросе является возраст — чем моложе респондент, тем реже он интересуется политической жизнью. Но по мере решения проблем, важных на начальном этапе становления современного молодого человека (учеба, поиск работы, семья и т.п.), этот интерес растет. Хотя, надо признать и не слишком сильно (см. рис. 2).

23

В этом плане россияне мало чем отличаются от граждан многих стран Европейского Союза. Если в целом по ЕС доля интересующихся политикой в той или иной степени составляет 67%, то в России — 63%. Соответственно, не интересующихся политикой в ЕС — 32%, в России — 22%⁴.

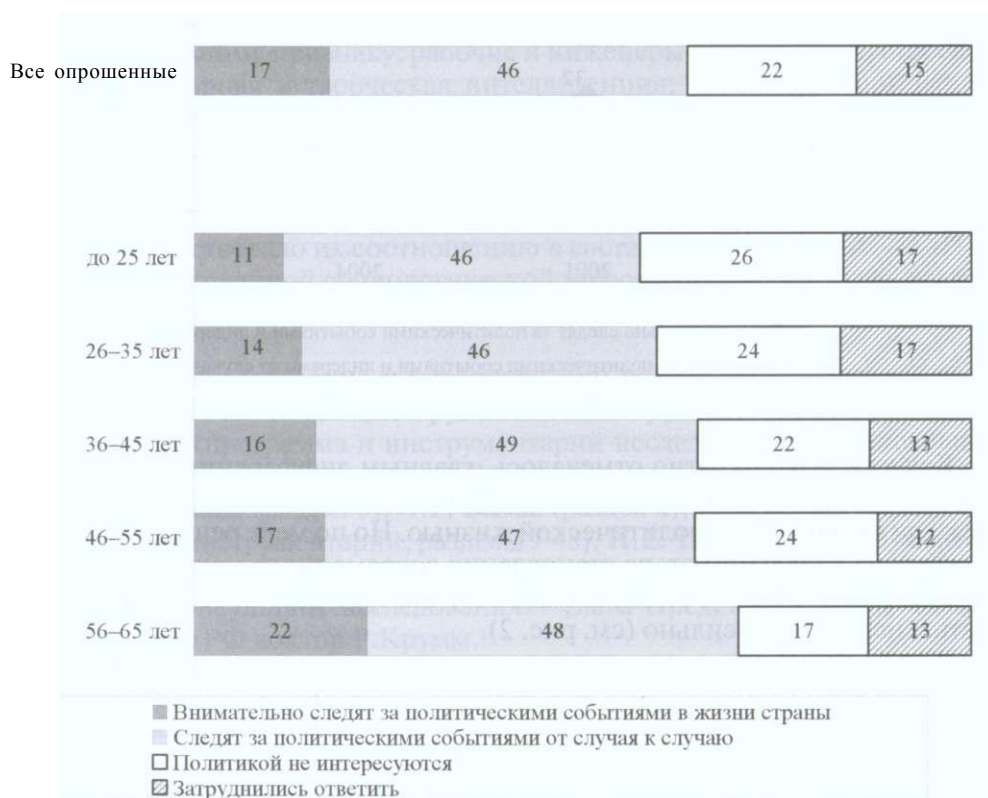
Безусловно, включенность в общественную и политическую жизнь не ограничивается лишь интересом к политике. Важны и другие установки и ориентации, касающиеся, в частности, важности участия, уровня компетентности и информированности о происходящих в обществе процессах и явлениях, потенциале влияния. Если оценивать всю совокупность условий, необходимых для эффективного участия в политической жизни, то ситуация выглядит довольно противоречивой. Наши исследования показывают, что практически одинаковое количество наших сограждан соглашались с прямо противоположными суждениями, касающимися, с одной стороны, важности участия, а с другой, возможности такого участия. 57% опрошенных признают, что вовлечение граждан в общественно-политическую жизнь, в решение текущих государственных дел является абсолютно необходимым для нормального функционирования общества. Однако

⁴ Более высокий процент и в том и в другом случае в странах ЕС обусловлен тем, что среди россиян было почти 15% затруднившихся ответить, в то время как среди жителей ЕС в среднем - 1%.

гораздо больше тех (71%), кто полагает, что такие люди, как они, такой возможности не имеют.

Рисунок 2

Интерес россиян к политике в составе различных возрастных групп
(данные в %, допускался один вариант ответа)

74

Этот парадокс легко объясним, учитывая то, что большинство опрошенных (54%), по их собственному признанию, не разбираются в хитросплетениях российской политики и не представляют, что нужно сделать для того, чтобы голос отдельного человека, прежде всего, их собственный голос, мог быть услышан при принятии важных государственных решений. У респондентов более "продвинутых" групп и в этом случае показатели чуть выше, чем у среднестатистических россиян. 34% респондентов, оценивающих свое материальное положение как хорошее в целом информированы о политической жизни страны. Тем не менее, даже вполне благополучные в материальном отношении россияне соглашались с тем, что у них нет никаких рычагов влияния на действия властей, и они не вполне понимают, что нужно предпринять, чтобы эту ситуацию изменить (см. табл. 1).

Таблица 1

**Согласие/несогласие с суждениями об уровне информированности
и включенности россиян в общественно-политическую жизнь**
(данные в %, допуская один вариант ответа по каждой позиции)

	Все опрошенные	Материальное положение		
		Хорошее	Среднее	Плохое
Я достаточно хорошо представляю, что сейчас происходит в политике и текущих государственных делах				
Скорее согласен	20	34	20	16
Скорее не согласен	54	41	56	56
Затрудняюсь ответить	25	24	25	28
Такие люди, как я, не имеют возможности оказывать влияние на действия правительства				
Скорее согласны	71	57	73	73
Скорее не согласны	17	24	17	14
Затруднились ответить	12	19	11	13
Люди должны больше участвовать в политической жизни и текущих государственных делах				
Скорее согласны	57	53	58	57
Скорее не согласны	18	21	17	17
Затруднились ответить	25	25	25	25
Я понимаю, что делать, чтобы мой голос был услышан, когда речь идет о важных государственных проблемах				
Скорее согласен	11	19	11	10
Скорее не согласен	54	45	54	56
Затрудняюсь ответить	35	37	35	34

25

Итак, результаты опросов показывают, что большинство россиян в той или иной степени (постоянно или эпизодически) интересуются политикой. Но лишь 20% заявляют о том, что они не просто интересуются, а хорошо политически информированы и подкованы; лишь 11% знают, как свой политический интерес трансформировать в конкретное политическое действие, как сделать так, чтобы их голос был услышан. В этом главная проблема современной России, а также ее отличие от стран с давними демократическими традициями.

В России доля уверенных в важности и необходимости политического участия примерно такая же, как и во многих странах Восточной и Южной Европы, однако она заметно уступает по данному показателю странам ЕС в целом (соответственно 57% и 75%). Притом в ЕС заметно больше резко критично настроенных граждан, уверенных в явной недостаточности уровня их реального влияния на действия властей, и в три раза больше, чем в России уверенных в своей политической компетентности (34% против 11%), - по этому показателю Россия занимает последнее место⁵.

В таких странах Европы, как Голландия, Дания, Финляндия, Швеция уровень уверенности их граждан в том, что они хорошо знают, что нужно делать, для того, чтобы оказывать влияние на власть, составляет 52%-67%.

Опрос был проведен в январе — феврале 2005 г. среди жителей 15 стран Евросоюза. В опросе приняли участие по тысяче человек в возрасте старше 15 лет, статистическая погрешность не превышает 3.1%. — <http://ec.europa.eu>

Все они известны как страны, где максимально реализована модель государства всеобщего благосостояния и где граждане на протяжении уже многих лет пользуются плодами социального государства (см. табл. 2).

Таблица 2

Доля населения европейских государств, согласных с суждениями об уровне своей информированности и включенности в общественно-политическую жизнь
(данные в %)

	Люди должны быть в большей степени вовлечены в политику	Влияние на деятельность правительства таких людей как я весьма незначительно	Я знаю, как сделать мой голос услышанным при принятии важных политических решений
Норвегия	93	71	45
Швеция	91	74	54
Германия	87	85	36
Исландия	86	77	45
Люксембург	81	79	34
Чехия	80	89	26
Финляндия	80	71	58
Швейцария	79	65	45
Дания	79	60	52
Европейский Союз	75	81	34
Италия	75	77	34
Франция	74	88	33
Эстония	74	86	25
Польша	73	89	17
Кипр	73	77	35
Великобритания	73	77	31
Австрия	72	82	36
Греция	72	80	35
Турция	72	61	46
Голландия	70	71	67
Латвия	69	86	28
Словения	69	83	29
Испания	68	74	33
Мальта	68	71	34
Бельгия	67	81	35
Ирландия	67	72	31
Румыния	66	78	24
Болгария	65	87	13
Хорватия	65	84	20
Литва	64	88	21
Словакия	63	86	29
Португалия	57	80	27
Россия	57	71	11
Венгрия	53	87	26

Как показывают приведенные данные, во всех странах существует заметный разрыв между уверенностью основной части населения в том, что участие граждан в общественно-политической жизни желательно и уровнем осознаваемого возможного влияния граждан на политический процесс. Но в России этот разрыв один из самых заметных — 57% и 11%. На этом фоне вполне закономерным выглядит то, что уровень политической активности в российском обществе все последние годы остается сравнительно низким.

Обычно в российской и зарубежной литературе, особенно в политической публицистике, постоянно снижающийся уровень политической включенности граждан, объясняется, в первую очередь олигархизацией власти, усилением ее закрытости и ростом авторитарных тенденций в политике, сужением пространства публичной политики и т.д. Отчасти так и есть.

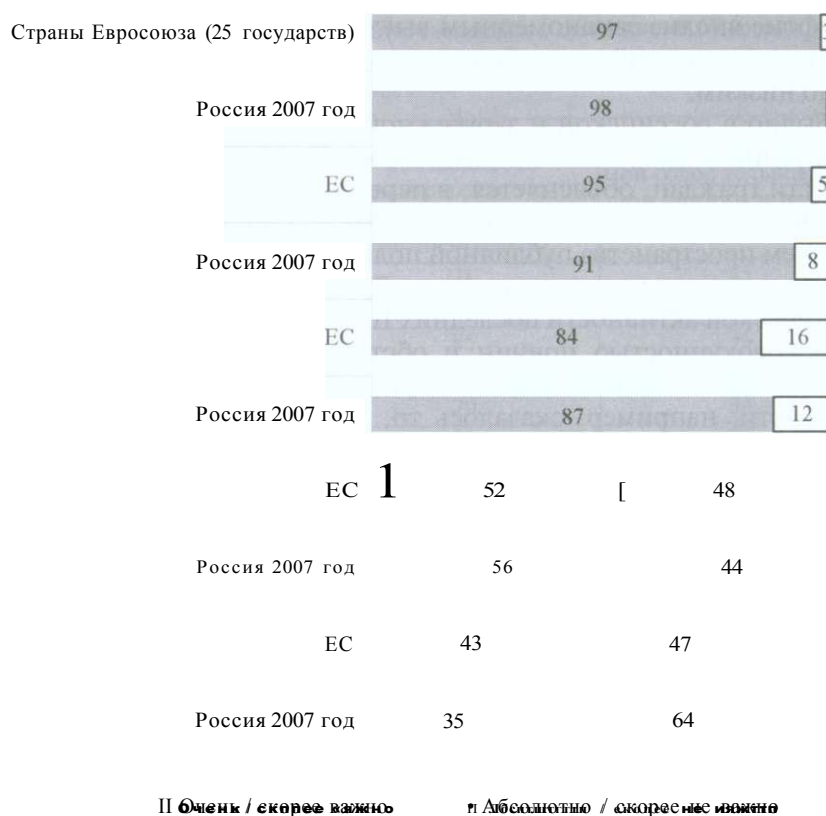
Но это - лишь одна сторона дела. Другая - заключается в том, что спад политической активности последних 10 лет был объективно предопределен целой совокупностью причин и обстоятельств, связанных не только с властью, но и эволюцией самого российского общества. На масштабах активности, например, сказалось то, что в постсоветской России исчез "госзаказ" на участие. Все мы хорошо помним, что в советской системе существовал строго иерархический механизм социальной мобильности для политической элиты (хозяйственной, партийной, профсоюзной, комсомольской и прочей номенклатуры), но одновременно имелся своеобразный "государственный заказ" на общественную самодеятельность, на участие в общественной жизни как дополнительное, но очень существенное условие профессиональной самореализации. Сегодня этого не требуется. Соответственно, подавляющее большинство россиян, как, впрочем, и граждан любого другого общества, действует в соответствии с концепцией "рационального выбора". Если общественно-политическая активность не сулит каких-то прямых материальных или карьерных выгод, не выступает в качестве надежного "социального лифта", то, естественно, жизненная энергия людей направляется в иные сферы и на другие объекты приложения их усилий. Это, прежде всего, работа, образование, семья, дети, ближний круг, творчество, досуг и т.п. В России появилась частная жизнь, а граждане страны получили свободу выбора между участием и не участием. Судя по нынешнему уровню политической активности, многие "правом на неучастие" воспользовались в полной мере.

77

Сегодняшняя Россия, еще недавно чрезвычайно политизированная страна, по уровню интереса к политике ее граждан уступает жителям Европейского Союза. Одновременно, из вышеприведенных данных отчетливо видно, что приоритеты везде примерно одни и те же: работа, семья, близкие. Затем — общественная и политическая жизнь (см. рис. 3).

Сказывается и то, что все последние годы россияне в большинстве своем концентрировали свое внимание на адаптации к новым условиям и обстоятельствам жизни, у многих просто не было ни времени, ни возможностей всерьез заниматься чем-то помимо "зарабатывания на хлеб насущный". Отсюда низкий уровень не только политической, но и общественной активности.

Что представляется для граждан стран ЕС и России важным/не важным в жизни
(данные в %, допускался один вариант ответа,
ответ "затрудняюсь ответить" не был предусмотрен)

28

Как показало настоящее исследование, из всего многообразия политических, общественных, религиозных, творческих и досуговых организаций относительной популярностью у россиян пользуются профсоюзы, в деятельности которых в той или иной степени участвуют 16% опрошенных, религиозные организации (13%) и спортивные сообщества (12%). Еще примерно каждый десятый заявляет о том, что он либо постоянно, либо от случая к случаю работает в профессиональных сообществах (учителей, врачей, ученых) и обществах потребителей, а 9% и 8% в творчески-досуговых объединениях (музыкальных, просветительских, художественных и т.п.) и организациях по защите окружающей среды. Наименьший интерес у россиян вызывают благотворительные организации и деятельность политических партий. В странах ЕС уровень общественно-политического участия несколько выше.

О своем неучастии в деятельности добровольных объединений в Европейском Союзе заявило 64% граждан, в России — в среднем 90%. Если в спортивных клубах, секциях и т.п. в ЕС активно занимаются 13% респон-

дентов, то в России — 3%. В художественных, просветительских объединениях - 8% и 2% соответственно. В религиозных общинах состоят, соответственно, 6% и 2%, в благотворительных организациях — 5% и 1%. Что же касается таких объединений, как профсоюзы, политические партии, организации по защите окружающей среды, то здесь ситуация примерно одинаковая — активными членами профсоюза в Европе являются 4% опрошенных, столько же и в России. По 2% и в Европе, и в России являются активистами экологических движений. В политических партиях состоят или работают 2% и 1% соответственно (см. табл. 3).

Таблица 3

Являются ли россияне добровольными активными участниками, неактивными участниками или вовсе не принадлежат ни к одной из нижеприведенных организаций?
(данные в %, допускался один вариант ответа в каждой строке)

Организации	Активно участвуют в ее работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участником данной организации
Церковная или религиозная организация	2	11	87
Спортивная организация	3	9	88
Художественное, музыкальное или культурно-просветительское объединение	2	7	91
Профсоюз	4	12	84
Политическая партия	1	3	97
Организация по защите окружающей среды	2	6	92
Профессиональная ассоциация (учителей, врачей, ученых, работников с/х и т.д.)	4	6	90
Гуманитарная или благотворительная организация	1	4	95
Общество потребителей	3	7	90

79

Безусловно, приведенные данные не слишком впечатляют, однако следует иметь в виду, что в любом современном обществе (Россия теперь уже не исключение) имеет место чрезвычайно широкий спектр каналов и форм личностной и общественной самореализации. Но одновременно, есть серьезный ограничитель — необходимость концентрации энергии на профессиональной деятельности, и, как следствие, серьезный дефицит свободного времени.

В то же время было бы неверным считать, что россияне абсолютно безразличны к тому, что происходит в стране и погружены исключительно в свою частную жизнь. Почти каждый третий опрошенный (28%) постоянно ощущает свою общность с людьми, близкими ему по политическим взглядам.

дам, каждый второй (52%) эту общность ощущает от случая к случаю. И лишь менее четверти россиян (24%) - ни с кем политически себя не идентифицируют. Хотя, надо признать, что существование политических единомышленников чаще ощущают респонденты старших и средних групп, представляющие традиционалистов (см. рис.4).

Рисунок 4

80

В то же время, наши исследования последних лет свидетельствуют о наметившемся росте интереса многих россиян к различным формам общественной самодеятельности, которая происходит на фоне снижения вовлеченности людей в политику. Делегируя управленческие и политические функции "наверх", многие россияне демонстрируют сравнительно высокий уровень включенности в решение тех или иных проблем, с которыми они сталкиваются в своем непосредственном окружении, но в еще большей степени, готовности к такого рода участию в будущем. Скажем, отличительной особенностью российского общества является то, что в нем, как нигде, широкое распространение получили движения "одного требования". Имеется в виду движение автомобилистов, обманутых пайщиков и дольщиков жилищных пирамид и т.п., которые, с одной стороны, спонтанны, а с другой, организованы и эффективны.

Подобные формы участия, в отличие от "большой политики", не требуют каких-то существенных затрат (временных, материальных, организационных) и поэтому востребованы, прежде всего, активной дееспособной частью общества. Эти формы участия представляют интерес не только

потому, что они позволяют решать какие-то конкретные социальные и материальные проблемы людей, но, что также немаловажно, стимулируют людей к общению, расширяют сферу досуга и создают предпосылки для формирования групповой идентичности в рамках локальных обществ с перспективой выхода на более широкие социальные и общественные институты.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Одной из главных составляющих политического курса, с которым Россия вступила в XXI столетие, стало стремление восстановить во многом утраченные ею в предшествующий период политический вес и влияние в международных делах. Не заявляя претензий на роль сверхдержавы, администрация В.Путина поставила задачей закрепиться в числе ведущих глобальных игроков в рамках отстаиваемой ею концепции многополярного мира. При всех оговорках, которые в этой связи могут быть сделаны, нельзя не признать, что эта стратегия в целом проводилась достаточно эффективно. Причем не только в плане осуществления тех или иных внешнеполитических комбинаций и многосторонних экономических проектов, но и с точки зрения общего тонаса внутренней политической жизни и умонастроений населения.

Как же преломляется, проводимая страной внешняя политика в сознании россиян? Как оценивают они отношения России с другими странами и народами? Какое место в мире, по их мнению, занимает современная Россия?

81

Как неоднократно отмечалось многими исследователями, центральное место в российском политическом дискурсе занимает образ Запада. Причем не только по вполне понятным прагматическим мотивам, но и в связи с тем, что исторически Запад выступает для России в роли "значимого другого", с которым так или иначе связана вся система смыслов, задающих характерные для российской ментальное™ картины мира. Здесь всегда обнаруживается некий иррациональный остаток, проявляющийся то в предельной открытости, то в замкнутости и изоляционизме, то в доходящей до самоотречения уступчивости, то в нежелании учитывать даже "разумные" (с точки зрения партнера) аргументы.

Как показывают данные социологического мониторинга массового сознания, проведенного Институтом социологии на протяжении всей второй половины 1990-х годов, в российском обществе шел процесс смены подходов, ценностей и ориентиров, в ходе которого менялся как образ самой России, так и эмоциональная тональность восприятия других стран и народов. Отношение практически ко всем странам, составляющим "активный" международный горизонт Российской Федерации, претерпело заметное охлаждение. Но особенно резко и быстро изменились отношения россиян к Западу. Если первая половина 1990-х годов была временем увлечения перспективами вхождения в "сообщество цивилизованных государств",

* Раздел подготовлен **АНДРЕЕВЫМ Андреем Леонидовичем**, доктором философских наук, профессором, главным научным сотрудником ИС РАН.

что сопровождалось попытками массированного переноса зарубежного опыта на отечественную почву, то в середине десятилетия в российском обществе сформировалась своего рода неоконсервативная волна, лейтмотивом которой стал отход от западнических увлечений периода становления демократии. В середине 1990-х годов в массовом сознании постепенно утвердилось мнение, что западный путь развития, при всех своих привлекательных сторонах, для России не подходит. Культурно-историческая самобытность России интерпретировалась в этом контексте уже не как "проклятие", а как непреходящая базовая ценность. Соответственно этой новой парадигме переосмыслилось и отношение между "Мы" и "Они" в его международном преломлении, в том числе и применительно к внешнеполитическим задачам государства.

82 Первоначально эти сдвиги в общественном сознании имели характер внутреннего самоутверждения и не несли в себе собственно антизападной направленности. Уровень симпатий к США и ведущим государствам Западной Европы вплоть до конца 1990-х годов оставался высоким, превышая уровень антипатий не менее чем в семь-девять раз (по разным странам данная пропорция несколько варьировалась). Однако неуклонно осуществляемое вопреки опасениям и протестам Кремля расширение НАТО на восток, бомбардировки Сербии, появление американских военных баз в государствах Центральной Азии и планы развертывания элементов американской ПРО в Восточной Европе, настойчивые попытки выстраивать систему глобальных коммуникаций в обход России, явственно выраженная склонность к поощрению антироссийского политического вектора в СНГ и Балтии убеждали россиян в том, что западный мир в целом занимает далеко недружественную по отношению к России позицию. В результате образ Запада в сознании большинства российских граждан получил прочную смысловую связку с факторами угрозы.

Данные социологических опросов указывают на то, что такие умонастроения очень широко распространены в российском обществе и сегодня. Вместе с тем картина, которую мы получили в результате проведенного исследования, оказалась отнюдь не черно-белой. Она выявила разновекторность массового сознания, наличие в нем противоположно направленных тенденций. Отметим, в частности, что тестирование наших респондентов на эмоциональную окрашенность различных понятий выявило некоторое улучшение отношения к Западу по сравнению с концом 1990-х годов. Так, в 2000 г. слово "Запад" вызывало негативные ассоциации у 53%-54% россиян, а положительные — у 46%-47%. В настоящее время это соотношение выровнялось и стало практически паритетным. Еще более показательным распределением мнений по поводу того, как складываются в последнее время отношения России с Западом. Несмотря на явно нарастающее взаимное недовольство, вылившееся в настоящую медиаканонаду взаимной критики, около 35% наших сограждан убеждены в том, что эти отношения в последнее время улучшились, тогда, как придерживающихся противоположного мнения вдвое меньше — чуть более 16% (наряду с этим приблизительно каждый четвертый ответил, что отношения остались такими, какими и были).

В этой связи представляют интерес некоторые результаты, полученные в ходе выявления представлений россиян о том, к каким странам мира, символизирующим соответственно Запад и Восток, ближе всего Россия: а) по культуре, б) по экономике, в) по национальному характеру. В ходе опроса респонденты давали оценку социокультурной дистанции между цивилизациями, отмечая место России по 11-балльной шкале. Этот методический прием, начиная с 1998 г., неоднократно включался в программу наших исследований, что позволило к настоящему времени сформировать эмпирическую базу для построения временного ряда данных, в рамках которого достаточно отчетливо просматриваются определенные тренды. Ниже, в табл. 4, представлены полученные нами данные за 1998, 2004 и 2007 гг.

В процессе интерпретации данных в табл. 4, естественно было бы считать, что оценки, предоставленные респондентами в одной из клеточек в левой части предложенной им 11-балльной шкалы, относят Россию к Западу, а в правой — к Востоку. При этом сравнительная интенсивность "западных" и "восточных" черт культуры, экономики или национального характера выражается положением соответствующей клеточки на шкале — проставившие крестик или галочку в крайней левой из них, очевидно, придерживались мнения, что Россия в соответствующей сфере социальной жизни практически ничем не отличается от стран Запада, а те, кто выбрал крайне правую, стремились тем самым подчеркнуть ее "восточную", или, если угодно, "азиатскую" сущность. Остается еще центр шкалы, одинаково удаленный и от крайней правой, и от крайней левой позиций. Его нельзя однозначно соотнести ни с Западом, ни с Востоком, поэтому в настоящем контексте разумно было бы интерпретировать проставленные здесь оценки как указывающие на промежуточную "евразийскую" природу России. Поскольку сопоставление "веса" одной-единственной позиции с "весом" любой из полуосей уже априори представляется методологически сомнительным, то в качестве "евразийского" участка шкалы мы обычно рассматривали все ближайшие позиции к центральной точке шкалы (т.е. не только шестую позицию, но и примыкающие к ней справа и слева пятую и седьмую).

83

Исходя из сделанных только что методологических пояснений, дающих ключ к интерпретации полученных данных, обратим внимание на некоторые особенности распределения ответов, которые были даны нашими респондентами в разные годы и применительно к различным сферам жизнедеятельности российского общества.

В 1990-е годы большинство россиян (50%-51%) отождествляли себя с Западом только в культуре. Экономика, царившего в те годы "дикого" капитализма, казалась им чисто азиатским или, в лучшем случае, каким-то смешанным, "евразийским" явлением (количество ответов, проставленных в четырех правых клеточках шкалы и в центральной ее части было примерно равным и составляло в обоих случаях чуть больше 41 %). Что же касается национального характера, то по этому параметру россияне совершенно определенно аттестовали себя как "евразийцев" (в центральной части шкалы сконцентрировано около 55% ответов, тогда как в "западной" — приблизительно треть, а в "восточной" — менее 12%).

Таблица 4

К каким группам стран Россия ближе всего?

(данные в %, цифры в каждой из клеточек 11-балльной шкалы обозначают процентную долю респондентов, отметивших в своем ответе данную клеточку, в общем числе ответивших)⁷

1998 г.												
А) По культуре												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	9,3	8,1	14,9	17,0	10,3	23,6	4,2	5,1	4,1	1,5	1,9	Китай, Япония, Индия
Б) По экономике												
США, Франция, Германия	2,4	2,0	5,3	7,3	5,8	25,9	10,2	12,9	11,9	6,1	10,2	Китай, Япония, Индия
В) По национальному характеру												
США, Франция, Германия	7,1	5,2	10,0	11,5	10,5	39,1	5,0	4,5	3,5	1,6	2,0	Китай, Япония, Индия
2004 г.												
А) По культуре												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	8,0	8,0	16,5	16,1	10,1	21,4	4,7	4,9	4,1	1,0	1,6	Китай, Япония, Индия
Б) По экономике												
США, Франция, Германия	3,8	2,3	6,5	9,4	9,0	24,7	8,4	11,6	10,3	4,5	6,8	Китай, Япония, Индия
В) По национальному характеру												
США, Франция, Германия	5,6	5,0	9,6	12,4	11,4	32,7	6,8	5,4	3,6	2,3	2,6	Китай, Япония, Индия
2007 г.												
А) По культуре												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	12,2	10,9	18,6	12,7	9,8	17,3	4,8	2,9	3,7	2,1	2,1	Китай, Япония, Индия
Б) По экономике												
США, Франция, Германия	8,9	6,4	11,4	9,7	10,8	23,1	6,7	5,9	7,2	2,8	4,0	Китай, Япония, Индия
В) По национальному характеру												
США, Франция, Германия	10,1	9,0	13,1	9,7	11,0	25,8	5,4	3,6	4,2	2,2	2,5	Китай, Япония, Индия

84

Несмотря на колебания значений соответствующих показателей (которые, впрочем, чаще всего не выходили за рамки значения возможной статистической погрешности), эта картина, в общем и целом, сохранялась и в 2004 г.

Однако позднее ситуация стала меняться, причем довольно парадоксальным образом. Любой внимательный наблюдатель легко заметит, что психологическую атмосферу российской общественно-политической жизни сегодня во все возрастающей степени определяет крепнущее чувство

⁷ В таблице не указаны затруднившиеся с ответом.

самостоятельности, растущая уверенность в себе, сопровождаемые стремлением дистанцироваться от Запада. Однако индикаторы, характеризующие российскую идентичность в ее отношениях к Западу и Востоку, как это ни странно, сдвинулись в прямо противоположном направлении. И если в оценках культуры, где россияне традиционно более всего сближали себя с Западом, указанная тенденция лишь слегка просматривается (доля считающих, что по культуре Россия стоит гораздо ближе к США, Англии, Франции, чем к Индии или Китаю, увеличилась с 2004 г. всего на 6%), то применительно к экономике можно говорить уже о значительной корректировке взглядов. Хотя наибольшее количество ответов так же, как в 1998 и 2004 гг., пришлось на центральную — "евразийскую" — часть рассматриваемой нами шкалы, процентный "вес" которой почти не изменился (ныне он составил 40,6%), однако в остальном картина изменилась "с точностью до наоборот". Доля считающих, что современная российская экономика приобрела "западные" черты увеличилась по сравнению с 1998 г. более чем в 2 раза (с 17% до 36,4%), в результате чего она почти вплотную подтянулась к "евразийскому" центру. В то же время доля тех, для кого экономика России по-прежнему ассоциируется с Востоком, в такой же пропорции сократилась и ныне составляет не более пятой части от общего объема выборки.

Но если динамику оценок экономики можно объяснить рационально (за последние годы действительно была проделана очень большая работа, направленная на то, чтобы придать российскому капитализму более или менее "цивилизованный" облик), то полученные в ходе опроса данные, касающиеся национального характера, оказались достаточно неожиданными, в том числе и для нас самих как последователей. Здесь стабильным сегментом оказывался уже не центр, а правая треть шкалы, где аккумулируются мнения той довольно немногочисленной части россиян, которые соотечественникам представляются "людьми Востока"; перераспределение же голосов происходило между центром и левой третью шкалы. Если в 1998 г. и в 2004 г. более половины опрошенных старались разместить россиян на приблизительно равном удалении от американцев, англичан, французов, с одной стороны, и китайцев, индийцев, японцев с другой, то в 2007 г. большая часть ответов (около 42%) впервые оказалась сконцентрирована на левой оконечности шкалы, перевесив "евразийский" ее участок примерно на 3%-4%.

Чем вызвана эта совершенно "нелогичная" тенденция, на первый взгляд, идущая вразрез с мейнстримом российской политической жизни? Единственным разумным объяснением, на наш взгляд, было бы то, что в действительности она сформировалась вовсе не *вопреки*, а, скорее, даже *благодаря* той переоценке Запада, которая произошла в российском обществе на рубеже истекшего и нынешнего столетий. Определившись со своими целями и интересами и более отчетливо осознав собственную самостоятельность, российское общество просто утратило психологическую потребность в том "надрывном" антизападничестве, которое до недавнего времени достаточно сильно проявлялось и в общественно-политической публицистике, и в массовом сознании: зачем без конца подчеркивать то, что и так стало вполне очевидным? В результате многие оценки и самооценки стали более объективными, утратив эмоциональный накал, обычно присущий

борьбе за самоутверждение. В такой ситуации психологически легче признать в себе какие-то "западные" черты без риска утратить собственную идентичность. Надо учитывать и то, что Запад в российском самосознании выступает в разных ипостасях, причем в зависимости от конкретных условий на первый план выходит то одна, то другая из них.

В качестве доминирующего субъекта международных отношений Запад представлен различными политическими, военно-политическими и экономическими структурами. Наиболее проблемной из них, в глазах россиян, является НАТО. Еще в середине 1990-х годов, когда российская политическая элита уже активно заявляла о своей обеспокоенности решениями и действиями этого блока, большинство россиян воспринимало ситуацию весьма благодушно. Так, в 1998 г. только 4,4% опрошенных считали Североатлантический альянс источником реальной опасности. Однако всего через год, под влиянием спланированной и осуществленной натовскими стратегами военной акции в Югославии, уже около половины опрошенных характеризовали его как враждебную России структуру. С тех пор отношение к НАТО в российском обществе продолжает оставаться устойчиво негативным, причем такое положение уже достаточно прочно закрепилось на уровне эмоционального восприятия. Сегодня, согласно данным настоящего опроса, само слово "НАТО" вызывает положительные чувства менее чем у одного респондента из четырех, тогда как отрицательные — у 76% опрошенных.

86 Уже давно целый шлейф негативных ассоциаций сопровождает в массовом сознании образ США и американской политики. Если в 1995 г. свыше 77% наших респондентов воспринимали упоминание о США вполне благожелательно и только 9% неприязненно, то в начале текущего столетия доля первых сократилась приблизительно до 37%, вторых же, напротив, выросла до 40%. В дальнейшем этот ушедший в минус баланс мнений стабилизировался и с тех пор практически не менялся. Нынешний опрос вновь подтвердил эти цифры: положительно относятся к США примерно 37% опрошенных, а отрицательно — почти 45% (см. табл. 5).

Негативная аура Соединенных Штатов, конечно, не могла так или иначе не распространиться на их союзников, в совокупности составляющих Запад как особый геополитический и культурно-исторический субъект. По сравнению с началом и даже серединой 1990-х годов практически все они также лишились некоторой части своих приверженцев из числа россиян, хотя и не в такой степени, как США. При этом довольно отчетливо просматривается следующая закономерность: чем более самостоятельную и критическую позицию по отношению к американской стратегии глобального доминирования занимает та или иная страна Запада, тем теплее относятся к ней россияне. Безусловным их фаворитом, несомненно, является Франция, которая со времен де Голля держится особенно независимо. Число россиян, которым нравится эта страна, превышает число ей не симпатизирующих, примерно в 8,5 раз. Несмотря на нелегкие для многих представителей старшего поколения воспоминания о Второй мировой войне, достаточно уважительно и дружелюбно воспринимается также Германия. В данном случае перевес симпатий над антипатиями достаточно убедителен — он составляет

приблизительно 3:1. Свыше 72% российских граждан оценивают нынешние отношения России с Германией как хорошие и очень хорошие, тогда как плохими или очень плохими их назвали всего 7,5% (кстати, до 37% россиян считают, что общая трагедия времен войны скорее сближает, чем разъединяет бывших противников). А вот "туманный Альбион", который часто безоговорочно поддерживает даже такие действия США, которые другим кажутся чрезвычайно сомнительными, на этом фоне несколько проигрывает. Если в 1995 г. по уровню популярности среди россиян Великобритания почти не уступала Франции и на 7%-8% опережала Германию, то в 2007 г. она уже отстает от Германии примерно на 11 процентных пунктов.

Таблица 5

Какие чувства вызывает у россиян упоминание о различных странах мира
(данные в %)

Страна	В основном положительные	В основном отрицательные	Затруднились ответить
1. США	37	45	18
2. Польша	37	38	25
3. Великобритания	52	25	23
4. Франция	75	9	16
5. Германия	62	21	17
6. Япония	60	18	22
7. Китай	45	32	23
8. Индия	64	11	25
9. Сербия	44	22	34
10. Украина	49	34	17
11. Казахстан	63	15	22

87

Попытки сыграть роль противовеса России не прошли даром даже для традиционно близкой ей Украины: в данном случае обращает на себя внимание не только довольно скромная позиция, которую она заняла в "рейтинге симпатий", но и необычно высокий для "братской республики" уровень антипатий. Однако, как видно из приведенной таблицы, еще хуже выглядит в глазах россиян Польша, пытающаяся играть роль лидера проамериканских сил в Евросоюзе и одновременно — одного из главных критиков политической стратегии Кремля и спонсируемых им геэкономических проектов.

Подвижный баланс прозападных и антизападных настроений в российском обществе, несомненно, надо рассматривать как фактор, влияющий на складывающийся в массовом сознании образ Европы. Этот образ в целом привлекателен и окрашен в отчетливо позитивные тона. Европа для россиян — это нечто более близкое, чем Америка или, допустим, Азия (хотя, как видно из табл. 5, отношение к таким традиционно связанным с Росси-

ей азиатским странам, как Индия или Казахстан, отнюдь не хуже, чем к любой отдельно взятой европейской стране, исключая подчеркнуто позитивное отношение к Франции). В ходе настоящего и предшествующих исследований выяснилось, что индикатор положительных реакций на слово "Европа" весьма высок. В 2007 г. он зафиксирован на уровне 72%. Выше по рейтингу идет только Россия (около 96%). А вот "Азия" и "Америка" в этом плане существенно проигрывают восприятию слова "Европа" (соответственно 20% и 30%).

Интересно отметить, что между числовыми значениями индикаторов, отражающих эмоциональное восприятие понятий "Европа" и "Европейский союз (ЕС)", существует разительный перепад, который устойчиво держится на уровне около 20%. Летом 2002 г. положительные ассоциации с первым из этих понятий зафиксированы у 79%, а со вторым - только у 59% респондентов, в 2007 г. — соответственно у 72% и 53%. Объяснить этот факт, который, на первый взгляд, может показаться логической аномалией, можно только тем, что Европа, как особое культурно-историческое образование, ближе и понятнее россиянам, чем Европа - ЕС, выступающая в виде институционального субъекта международной политики.

Сопоставляя мнения наших респондентов по разным вопросам, касающимся положения России в мире, мы в свое время сделали вывод о том, что Европа выступает в политическом мышлении наших сограждан как бы в двух ипостасях - "западной" и "собственно европейской". Из чего, в частности, следовало, что недоверие к ней как *Западу* может уравниваться 88 тяготением к ней именно как к *Европе* [см. *Изменяющаяся Россия... 2004*].

В то же время отмеченная выше тенденция к сокращению дистанции, которая, в глазах наших сограждан, отделяет их от Запада, по идее должна была бы способствовать снятию негативной нагрузки с "западной" составляющей образа Европы и тем самым способствовать в общем итоге еще большему распространению благоприятных оценок Европы в российском обществе. Однако на деле этого не произошло. Если сопоставить результаты наших исследований, в которые, начиная с 2000 г., включался тест на эмоциональное восприятие социально-политических концептов, можно заметить, что доля респондентов, у которых слово "Европа" вызывает положительные чувства и ассоциации, все это время постоянно уменьшалась. Происходило это не очень быстро, но неуклонно, и за какие-нибудь 6-7 лет уменьшение, о котором идет речь, стало весьма ощутимым (2000 г. - 83%, 2004 г. — 79%, 2007 — 72%). Соответственно этому неприязненные реакции на слово "Европа" стали встречаться значительно чаще (в 2000 г. они были зафиксированы у 17% опрошенных, а в 2007 — уже у 27%).

Симптомы охлаждения россиян к Европе проявились и в идеологически отрефлектированной "картине мира". В 2002 г. и 2004 г. большая часть наших сограждан (почти 42%) поддерживала тезис о том, что Россия - это часть Европы, которая органически принадлежит европейской истории и в XXI в. будет теснее всего связана именно с этой частью мира. Сегодня в поддержку этого утверждения высказалась меньшая доля населения — 35%. Но прежняя точка зрения уже не преобладает: примерно такое же количество опрошенных считает, что Россия не является в пол-

ной мере европейской страной, а представляет собой совершенно особую - евразийскую цивилизацию, и в будущем центр ее политики будет смещаться на восток.

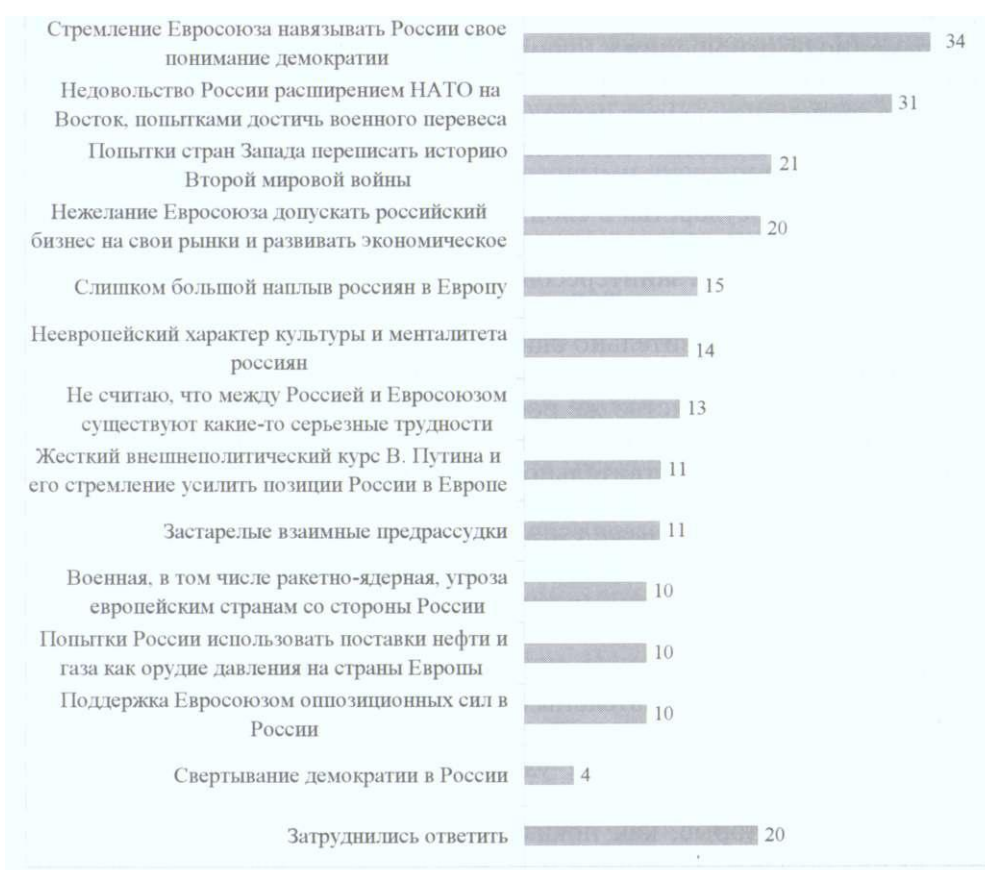
Учитывая то обстоятельство, что вопрос об отношениях с Европой (и одновременно об отношении к Европе) имеет не только сугубо прагматический смысл, но и глубоко укоренен в проблематике российской идентичности, эта тенденция, на наш взгляд, заслуживает пристального внимания.

Что вызвало ее к жизни? Ответ на этот вопрос во многом подсказывает анализ мнений по поводу того, какими мотивами руководствуются развитые европейские государства в своих отношениях с Россией. В настоящее время лишь около 1/4 наших сограждан придерживаются той точки зрения, что европейские страны заинтересованы в выходе России из кризиса, причем за последние 5 лет эта цифра весьма заметно сократилась (на 12%). Еще меньшее число (приблизительно один человек из пяти) согласилось с тем, что европейцы стремятся к всестороннему и равноправному сотрудничеству с Россией. Большинство же россиян убеждены в совершенно обратном: около половины - в том, что Европа видит в усилении России угрозу и потому не желает ее действительного подъема, а почти 2/3 - в том, что ее интерес к России ограничивается исключительно природными ресурсами. Такая интерпретация намерений и действий европейских стран преобладает по существу во всех социально-демографических группах и лишь несколько смягчается у категории граждан, имеющих материальный достаток выше среднего.

В этой связи полезно поразмышлять над тем, что, по мнению россиян, мешает развитию доброжелательных и конструктивных отношений между Россией и странами Евросоюза. Поскольку возможных помех такого рода можно назвать довольно много, удобнее всего привести распределение высказанных на этот счет мнений в виде таблицы, дифференцированной по параметрам, которые, как показал анализ, дали наибольший разброс точек зрения по данному вопросу (см. рис. 5).

Как видно из приведенных данных, респонденты не склонны сводить проблему к какому-либо одному фактору: ни к "неевропейскому" характеру российского менталитета, ни к слишком большому наплыву наших сограждан в Европу, ни к сохранению застарелых предрассудков и предубеждений, ни к слабости молодой российской демократии, ни к чрезмерно жесткой внешней политике нынешней российской администрации и ее "газовой" дипломатии. Не придают они особого значения и поддержке Евросоюзом оппозиционных Кремлю политических сил и отдельных политиков. Самыми главными факторами, сдерживающими взаимное сближение, они назвали стремление Евросоюза навязывать другим свое понимание демократии, а также расширение НАТО на восток. На это указали в своих ответах до трети опрошенных. Приблизительно каждый пятый называл также нежелание Евросоюза допускать российский бизнес на свои рынки и стремление Запада переписать историю Второй мировой войны, поставить под сомнение решающий вклад СССР в победу над фашизмом (при этом молодежь обращает больше внимания на первое, а люди предпенсионного и пенсионного возраста — на второе).

Что мешает конструктивному развитию отношений между Россией и ЕС
(данные в %)

90

Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. 2004. М.
Россия на рубеже веков. 2000. Отв. ред. М.К. Горшков. М.

(Продолжение следует)